

*Памяти моей матери —
Вирджинии Чапмен Грей Эссари
18 мая 1927 — 6 февраля 2010*

ГЛАВА 1

Черный цвет выражает уважение к мертвым, поэтому Кейт Стил оделась в красное на похороны мужа в ту субботу. Казалось даже символичным, что она проводит его в последний путь в первый день июля, в тот самый день, когда он вошел в ее жизнь четырнадцать лет назад. Все вернулось на круги своя — к тому послеполуденному часу, когда она встретила его на кладбище, навещая могилу отца. Через полгода они поженились. А еще через год брак полетел ко всем чертям.

Конрад Стил обманул ее, это факт, но будь она проклята, если позволит ему торжествовать победу.

Неужели проповедник намерен вещать вечно? Может, те, кто сидел на другом конце единственного ряда стульев и внимал его речам, но Кейт воротило от добрых слов о сукине сыне. Одно она могла сказать наверняка — этот проповедник ни черта не знал о Конраде, иначе не стал бы говорить о нем как об ангеле на небесах. Если этому прохиндею обманом удастся проскочить мимо святого Петра к жемчужным воротам, тогда ангелам лучше бы запереть те золотые улицы.

Пот стекал с ее шеи, собираясь лужицей в ложбинке между грудями. Ни за какие деньги Кейт не смогла бы купить, да даже выпросить, украсть или одолжить дуновение ветерка в тот день, и вокруг не было видно ни одного тенистого де-

рева. Она скользнула рукой вдоль стула, чтобы выудить несколько салфеток и незаметно засунуть их в бюстгальтер. Но вот беда: сумочку она оставила в машине. Кейт смахнула с потной шеи прядь светлых волос, доходивших до плеч, и распрямила скрещенные длинные ноги. Дорого бы она заплатила за сквознячок, чтобы охладил бедра.

Ее мать, Тереза, сидела рядом, прямая, как шомпол. Никто не посмел бы сказать, что она не леди. Даже техасская жара не могла сломить Терезу Трумэн. Она бы и дьяволу дала отпор в его лучшие времена. Ноги, обтянутые черными колготками, правильно скрещенные в лодыжках, черный шелковый костюм, сидевший как влитой на ее высокой, стройной фигуре, седые волосы, уложенные этим утром, широкополая черная шляпа с едва заметным намеком на тонкую вуаль — все в ней выдавало силу, с которой нельзя не считаться.

Только Бог, Кейт и Тереза знали, что эти похороны — не более чем шоу. Кейт было все равно, даже если бы его завернули в старую собачью попону и сбросили в яму. Тереза настаивала на том, что необходимо поддерживать имидж, потому что через Кейт его имя ассоциировалось с семейной нефтяной компанией. И что там говорить, Кейт с удовольствием стала бы мышью в углу, когда душа Конрада окажется в цепких руках Бога.

Тревожное чувство поползло вверх по шее Кейт, отчего волоски на загривке встали дыбом. Она оглянулась через плечо и увидела детектива Вэйлона Крамера, стоявшего за надгробием метрах в десяти левее от нее. Красавец-детектив пригласил ее на опознание тела. Он даже не стал скрывать, что обычно супруга становится первой подозреваемой, но она предъявила железное алиби. Так зачем же он притащился на похороны в изнуряющую техасскую жару, когда в этом нет никакой необходимости? Неужели он думал, что она бросится на гроб и признается, что убила мужа, потому что тот был ублюдком?

Раз уж он здесь, то мог бы показать себя джентльменом и подойти поближе. С его-то ростом и внушительным телосложением он обеспечил бы ей хоть какую-то тень. Во всяком случае, сделал бы что-то полезное, вместо того чтобы подожидать ее в убийстве Конрада.

— Перестань ерзать, — прошипела Тереза уголком рта.

— Все это такая фальшь, — прошептала Кейт.

Тереза бросила на нее испепеляющий взгляд из-под изысканной вуалетки.

Кейт выпрямила спину и притворилась, что внимательно слушает, но то и дело бросала косые взгляды на четырех женщин и ребенка, сидевших чуть поодаль в ряду складных стульев. К счастью, солнцезащитные очки на пол-лица позволяли незаметно разглядывать публику.

Две женщины и ребенок, определенно латиноамериканского происхождения, первыми попались в поле бокового зрения. Та женщина, что постарше, сидела с каменным лицом, как статуя, и Кейт даже подумала, не уморила ли ее адская техасская жара прямо здесь, на кладбище. Кейт уже собиралась крикнуть детективу, чтобы тот вызвал «Скорую помощь», когда женщина испустила долгий вздох. Кейт могла ее понять. Она бы с радостью удвоила ту сумму, что священник запросил у похоронного бюро за свои услуги, если бы он сократил проповедь и позволил всем убраться с палящего зноя. Минуты тянулись как часы.

Темноволосая спутница пожилой женщины выглядела гораздо моложе и, скорее всего, приходилась матерью малышке с большими карими глазами. Девочка недоуменно хлопала ресницами — бедняжка, ей бы резвиться в детском бассейне во дворе дома или смотреть мультики по телевизору, а не сидеть на кладбище в техасскую жару.

Пустой стул отделял эту тройцу от седовласой дамы, сидевшей рядом с глубоко беременной рыжеволосой женщиной, на вид лет под тридцать. Беременная стонала и всхлипывала, прикрывая рот белым носовым платком, в то время как сосед-

ка похлопывала ее по плечу. По крайней мере, среди знакомых Конрада нашлась одна живая душа, готовая оплакивать его, или?.. Кейт покосилась на мать. Неужели Тереза заплатила плакальщице, чтобы та для видимости рыдала над гробом?

Кейт наклонилась к матери и прошептала:

— Ты знаешь этих людей? — Тереза отрицательно покачала головой. — Ты заплатила той рыжей, чтобы она плакала?

— Тише, — прошипела Тереза. — Я бы никогда этого не сделала. Но он мертв, так что мы должны проявить уважение.

Восемь человек на похоронах.

Лишнее доказательство того, что у мошенника не было настоящих друзей.

Могли эти женщины быть родственницами Конрада? Он никогда не упоминал о сестрах или кузенах, но даже если бы и упомянул, она бы все равно не поверила. Во всяком случае, после того, как узнала, кто он такой. Следовало бы дать ему развод и миллион долларов отступных, которые он хотел получить, и тогда ей даже не пришлось бы торчать здесь в этот день, обливаясь ручьями пота. Та рыженькая, что явно искренне оплакивала мерзавца, могла бы похоронить его и даже положить цветы на могилу. Отступные определенно стоили тех денег, если бы они избавили Кейт от организации похорон и участия в них.

Она снова посмотрела в конец ряда. Девочка держала в руках красную розу так бережно, словно та изготовлена из тончайшего фарфора. Выражение лица женщины, сидевшей слева от нее, не оставляло сомнений в том, что она не меньше, чем Кейт, жаждет скорейшего завершения церемонии. Беременная обернула мятым носовым платком стебель розы и теперь смахивала слезы тыльной стороной ладони.

— Давайте помолимся, — призвал проповедник.

Хвала Господу, подумала Кейт, склонив голову, но не закрыла глаза. Она смотрела прямо перед собой на блестящий черный гроб с отражениями искренне или вынужденно скорбящих. Их лица искажались, как в кривом зеркале, но она все

равно разглядела в них печаль, смятение, отвращение, смирение и что-то сродни безразличию.

— Аминь! — произнес проповедник, и Кейт вторила ему одними губами, хотя понятия не имела, о чем он просил Бога в тот день. Он мог умолять Господа разверзнуть землю и поглотить жену Конрада Стила прямо на этом месте или мог зачитать список продуктов на неделю — она все равно произнесла бы «аминь», если бы это позволило убраться подальше от жары.

Проповедник кивнул в ее сторону:

— А теперь, миссис Стил, не хотели бы вы сказать последние слова или что-то еще, прежде чем мы закончим службу?

Она отрицательно покачала головой и встала со стула, надеясь, что тонкая юбка не липнет к потным бедрам, после чего взяла красную розу, протянутую ей директором похоронного бюро, и положила цветок на крышку гроба.

— Да, я хочу кое-что сказать. — Беременная, поддерживая рукой живот, с трудом оторвалась от стула. — Конрад был замечательным мужем, и я не могу поверить, что он ушел. — Она разразилась новой порцией рыданий.

— Боже правый! — Несомненно, жара поджарила клетки мозга Кейт. Этот ребенок не мог быть замужем за Конрадом, и все же картинка не менялась, сколько бы Кейт ни моргала.

Пожилая женщина быстро встала и обняла беременную за плечи:

— Все хорошо, Аманда, дорогая. Просто отдай свой цветок Конраду и, пожалуйста, перестань плакать.

— Я не могу. Он был таким хорошим человеком, а теперь никогда не увидит, как растет наш ребенок, — завывала молодая женщина.

Брови Кейт взлетели так высоко, что тотчас разболелась голова. Конрад женился, находясь в браке с Кейт, и эта женщина ждет от него ребенка? Она все еще смотрела на беременную, когда со стула вскочила латиноамериканка, сжимая руки в кулаки.

— Ты не можешь быть замужем за Конрадом! Я — его жена!

Кейт вдохнула и медленно выдохнула, но больше не могла сделать ни вдоха. В груди разливалась боль, и ладони стали липкими, пока перед глазами, как в замедленной съемке, разыгрывалась бредовая сцена.

— Ты лжешь! — Аманда сбросила руку пожилой женщины и шагнула к латиноамериканке, пока не оказалась нос к носу с ней. — Я вышла за него замуж семь месяцев назад. Может, ты и бывшая жена, но никак не нынешняя.

— У меня есть свидетельство о браке, подтверждающее, что я была замужем за ним в течение семи лет. Мы *не* разведены, так что если он женился на тебе в прошлом году, детка, ты даже не состоишь в законном браке. И этот ребенок — его дочь. — Ее темные глаза сверкнули.

Мать Кейт вздохнула:

— Я же говорила тебе, что ничего хорошего от него ждать не стоит.

— Черт возьми, черт возьми! — наконец выдохнула Кейт.

— Ладно, дамы. — Детектив Вэйлон Крамер встал между ними. — Вы обе можете сделать шаг назад. Ни одна из вас не состоит в законном браке с Конрадом. Эта леди, — он указал на Кейт, — его законная жена вот уже четырнадцать лет.

— Вы не вправе говорить такое. У меня есть свидетельство о браке. Аманда Хилтон и Конрад Стил поженились в последний день декабря прошлого года, — возразила Аманда.

— И у меня тоже есть документ. — Темноволосая женщина ткнула себя в грудь указательным пальцем. — Джейми Мендоса и Конрад Стил поженились в последний день декабря семь лет назад.

Вэйлон взглянул на Кейт.

Она пожала плечами:

— В последний день декабря четырнадцать лет назад.

— Ты... — Если бы Аманда повысила голос еще на одну октаву, все стекла в округе разлетелись бы вдребезги, — его сестра. А эта старуха рядом с тобой — его мать. Он показывал мне ваши фотографии, гадюки. Его мать любила тебя больше

и отдала тебе почти все деньги. Он получил лишь крохи из своего трастового фонда, который должен был перейти ко мне, если бы с ним что-нибудь случилось. И мне это нужно для нашего ребенка. — Ее руки сами потянулись к округлому животу.

— Старуха! — ахнула Тереза.

Кейт едва сдержала нервный смешок. В происходящем не было ничего смешного, но эта беременная рыжая даже не догадывалась, что открыла клетку со страшной тигрицей Терезой, которая могла порвать ей глотку одними лишь ледяными словами.

— Я — его законная жена, и никакого трастового фонда не существует, — заявила Кейт.

— Говорить о деньгах на похоронах, — пробормотала Тереза себе под нос. — Это хуже, чем шоу Джерри Спрингера*. Если бы я родила этого сукина сына, то бросила бы его в реку еще до того, как ему исполнится неделя. Старуха — это ж надо такое сказать!

— Вы обе ошибаетесь. Идем, тетя Элли. Вернемся домой и предоставим адвокату разбираться с этим. — Аманда сжала губы в твердую линию.

По крайней мере, прекратились эти душераздирающие рыдания. Кейт плевала с высокой колокольни на покойного мужа и не сомневалась, что как только эта женщина придет в себя и осознает, что вышла замуж за мошенника, она заговорит по-другому.

— Твоя роза, — напомнила ей тетя Элли.

Аманда положила розу на гроб вместе с носовым платком:

— Дорогой Конрад, возьми мою розу и мои слезы с собой на небеса, и когда-нибудь мы снова будем вместе.

Все это могло показаться забавным, если бы не было так дико. Какая золотая жила для таблоидов, что продаются у кас-

* Американская телевизионная передача в формате ток-шоу производства телекомпании NBC. Программа начала выходить 30 сентября 1991 г. — Здесь и далее примечания переводчика.

сы в супермаркете. Кейт содрогнулась, представив себе всех трех жен с потными лицами рядом с фотографией Конрада на обложке какого-нибудь помойного журнала. Как это отразится на ее репутации президента нефтяной компании?

Конрад имел трех жен. Одновременно. Она чуть не принялась загибать пальцы, пересчитывая их. Кейт, Джейми и Аманда вышли за него замуж в один и тот же проклятый день с разницей в семь лет. Что ж, по крайней мере, он никогда не забывал о годовщине. Все это, безусловно, наполняло новым смыслом «зуд седьмого года».

— А вы знали об этом? — спросила она Вэйлона.

— Да, вчера узнал. — Его сексуальная ухмылка повисила температуру воздуха еще градусов на десять.

— И не предупредили меня? — Она сердито посмотрела на него.

— Я хотел убедиться, что вы не сговорились убить его вместе и не исполнили этот замысел. Вторая жена, Джейми, появилась в участке, когда услышала новости по телевизору. А третья, Аманда, приехала в истерике еще хуже той, что вы видели сегодня, после того как прочитала о его смерти в газете, — ответил Вэйлон.

— И что же вы им сказали?

Вэйлон снял ковбойскую шляпу, пробежался пальцами по густым темным волосам и водрузил шляпу на место:

— Что похороны состоятся сегодня, уточнив время и место. И что его семья обо всем позаботилась.

— И что теперь?

— Я не исключаю заговора, но вы все еще остаетесь моей главной подозреваемой. Не покидайте пределы штата, миз Стил*, — сказал он.

* Миз — нейтральное обращение к женщине в англоязычных странах. Ставится перед фамилией женщины, как замужней, так и незамужней. Появилось в 1950-х годах; вошло в употребление с 1970-х годов по инициативе феминистского движения.

— Как она может быть подозреваемой? Она весь день была со мной на заседании совета директоров, когда убили Конрада, — вмешалась Тереза.

— Но это не значит, что она не могла заплатить кому-то за эту работу, после того как узнала о двух других женах. — Вэйлон тронул край шляпы, прощаясь с дамами, и направился по зеленой лужайке к пикапу, припаркованному позади «Кадиллака» Кейт.

— Ты убила Конрада? — обрушилась на нее Джейми, уперев руки в бока. Ее карие глаза полыхали гневом.

— Я этого не делала. — Кейт шагнула вперед, неожиданно уязвленная этим обвинением, и посмотрела сверху вниз на невысокую женщину. Как будто ей не все равно.

— Значит, ты приказала его убить? — взвывала Аманда, возвращаясь к Кейт.

Кейт быстро покачала головой:

— Нет, и этого я тоже не делала, но, если кто-то из вас захочет сделать признание, я разыщу того детектива, и мы сможем покончить с этим прямо сейчас.

Аманда попятилась:

— Я бы никогда... Как тебе вообще могло прийти такое в голову... Он был моим мужем.

Джейми стояла на своем. Ее глаза метали молнии, а тело как будто гудело от злости:

— Ну, ему чертовски повезло, что я не знала ни о тебе, ни о той другой, плаксивой беременной потаскушке, иначе я сама бы сделала эту работу.

Сердце Джейми билось так быстро, что ей казалось, будто оно вот-вот выскочит из груди. Высокие каблуки ее туфель тонули в зеленой траве, пока она шагала от могилы к своему фургону семилетней давности. Эта надменная сучка наверняка смеялась, наблюдая за ее попытками сохранить равновесие.